

Леонид Моргун

ИЗБЕРУ СЕБЕ
КАЗНЬ

16+

Л. Моргун

Изберу себе казнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63596261

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95159-4

Аннотация

Книга из жанра альтернативной фантастики. Развращённое рекламой общество 21-го века скатывается на уровень дохристианской дикости. В числе излюбленных развлечений толпы бои нео-гладиаторов, один из которых становится главным героем романа.

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Л. Моргун

Изберу себе казнь

Мы рождены, чтобы сделать былью даже самые страшные сказки

Кто-то когда-то

Пролог

Он был совсем плох, этот старый колдун. Куда уж хуже: пуля разворотила ему бедро, рана нагноилась, и тут уже ни Бог, ни черт не могли помочь, он держался лишь какой-то своей удивительной силой духа да невероятной выносливостью, которые выработались у него от длительной жизни в суровых условиях гор. Лишь это помогло ему, невзирая на рану, доползти до пещеры и укрыться там от бомбежки. Так, во всяком случае, считал солдат. Этот безусый юнец, трусоватый, как все мальчишки, которых судьба оторвала от детских забав и бросила в ад и безумные войны, забрался в ту же пещеру, а вернее будет сказать, в нору, вырытую под скалой, когда весь его взвод попал в засаду и был положен кинжальным огнем пулеметов. Тем же огнем были отогнаны и прилетевшие было на помощь вертолеты. Но спустя полчаса это ущелье начали утюжить ракетами уже свои – тут уж, сами понимаете, сиди и не чирикай.

В этой-то пещере и встретились старик и мальчик-солдат. Старик был слаб и уже не имел сил даже пошевелиться. Мальчик стал ухаживать за ним, поскольку у него имелся некоторый навык ухода за собственным парализованным дедом. А кроме того, они беседовали, несмотря на то, что по справедливости могли считаться смертельными врагами:

солдат пришел сюда с чужеземной армией на помощь правящей клике, а старик возглавлял отряд повстанцев, считавшийся поистине неуловимым и совершавший беспощадные налеты на расположения оккупационной и правительственной армии. И неудивительно, что местные жители питали к предводителю отряда суеверное почтение. Мало того, что он считался колдуном и видел на милю под землей, он, кроме того, был признанным грамотеем и совершил три хаджа в Мекку. А за отвагу и подвиги удостоился прозвища Щит Пророка.

Они плохо понимали друг друга, хотя мальчик усердно учил язык страны, куда его погнали воевать, и все свое свободное время проводил за словарями и разговорниками. Однако он не способен был объяснить старику, зачем пришел в эту чуждую для него землю, кого и от чего собрался он защищать. Но он старательно перевязывал стариковскую рану, менял под ним подстилку, слегка поругиваясь при этом. А старик (он недаром звался колдуном, и не зря слава о нем шла по ту и по эту сторону гор) глядел на него просветленным взглядом, в котором жила вся мудрость прошедших веков, и пытался объяснить юнцу одну простую истину, которую тот никак не мог уяснить из-за напластования вульгарно-атеистических и псевдонаучных представлений о мире, вбитых в него со школьной скамьи.

– Не пытайся понять или объяснить эту войну, – шептал старик. – Сейчас Время огня. Сатана завладел Мечом Про-

рока и разит им правого и виноватого. Но Щит – он в надежном месте. А ты – солдат. Ты должен воевать. Ты будешь нести Щит еще долго... долго.

Трудно было на это что-либо возразить. Солдат и не возражал. Он страдал сам, глядя на страдания старика. Тот уже в голос призывал к себе смерть, его стенания разрывали сердце, но она все не приходила. И такая пытка длилась много-много минут и часов, пока, наконец, на третьи или четвертые сутки их бдения старик не подозвал слабым голосом к себе солдата и не велел снять с его шеи кожаный вышитый мешочек на шнурке – какой-то древний амулет. Внутри мешочка находилось нечто, похожее на идеально отполированную увесистую монету из тяжелого, чуть светящегося металла, испещренного какими-то прожилками, напоминающими арабскую вязь.

– Возьми его... Это – Щит Пророка... – с трудом произнес старик. – Он не дает мне расстаться с жизнью, но страдания мои нестерпимы. Бери и помни: отныне и навек ты связан с ним. Служи ему, верно, а он будет служить тебе, как служил мне и еще многим... многим... Помни, ты ни за что не должен передавать его в чужие руки, а не то Сатана постарается завладеть им... А теперь вынеси меня на солнце, я хочу взглянуть на него перед смертью.

Солдат повиновался и вынес его на опаленную огнем и развороченную взрывами землю. Он не удивился, увидев там свирепого вида бородатых мужчин, увешанных оружи-

ем. Старик прошамкал им несколько слов на своем языке, и они опустили стволы.

На закате старик скончался, творя еле слышно ему одному ведомые заклинания. Повстанцы вместе с юношей вырыли могилу и похоронили с надлежащими почестями. Затем они увели чужака в горы, туда, откуда солнце начинало свой каждодневный бег по небесам, откуда возвратиться на родину было ему суждено еще не скоро.

Он месил ногами грязь четырех континентов, он научился ловить на мушку цель и стрелять, не раздумывая, он умел преодолевать тяготы походной жизни, был способен выжить в безводной пустыне и малярийном болоте, и при этом не роптал на судьбу. Ведь он носил на груди «Щит Пророка», а следовательно был солдатом, и был обречен оставаться им еще долгие, долгие годы...

Глава первая

"Фит-файтинг» (от англ. feat – «подвиг» и fight – «бой, сражение») – букв. «героическая схватка». Вид спорта, возникший на рубеже нынешнего и будущего столетий, восходящий корнями к традициям античных гладиаторских боев и рыцарских турниров средневековья. Ф-ф. появился одновременно практически по всему миру, однако некоторые теоретики спорта приписывают сомнительную славу его зарождения именно нашей стране..."

Справочник «Кто есть кто в нашем спорте», т. 4 изд-е 6-е, улучш, и перераб. – М., 20... год.

Он – бежал. Он знал, что рано или поздно его опять поймут. Так всегда бывает, сколько ни бегай. В этом мире ты в меньшинстве, изгой, обложенный зверь в лесу, наполненном врагами. Есть враги сильнее тебя, есть – слабее, трусливее, но все равно – враги. Это он давно для себя усвоил, и потому вовремя унес ноги, едва лишь перехватил тревожно зыркнувший на него из-под очков взгляд консьержки – Бабы Маруси. Этот взгляд сказал ему многое, если не все, и потому Максим проследовал мимо нее с лучезарной улыбкой прямым к черному ходу, а там – вывернулся из чьих-

то цепких лап, оставив в них свое потрепанное пальцецо, и ринулся в спасительную темноту ночи... Теперь он твердо знал, что «зафлажкован». Вокзалы и аэропорты перекрыты, его физиономия красуется в застекленных щитках у каждого участка, и как только она появится в вечерней телепрограмме, счет его жизни пойдет уже на минуты. Каждый постовой, муниципал, гаишник или омовец (до чего же много здесь блюстителей общественного порядка!) – сочтет за честь взять на себя роль его палача, и наверное, не будет столь уж не прав в глазах общества. Но и он по-своему прав, защищаясь от них по праву живого, трезво мыслящего существа из плоти и крови, имеющего не менее прав на жизнь, чем все они вместе взятые...

Максим огляделся.

Он впервые оказался в этой части города. Дома здесь громоздились друг за другом грязно-серыми пятиэтажными бараками, и вряд ли что могло развеять печать уныния, лежащую на тусклых глазницах окон. Ни рекламные щиты, ни переплетение неоновых трубок, ни эти новомодные мигающие и бегающие огоньки, которыми были украшены торговые киоски, ничто не могло придать этому кварталу респектабельности и уж тем более жизнерадостности.

Остановившись перед обветшалым зданием постройки времен хрущевской оттепели, он сверился с адресом, вырванным из газеты. Дом жил насыщенной, оживленной жизнью, что отличало его от прочих домов на этой улице. Час

обеда еще не наступил, народ лениво слонялся взад-вперед по улице. Судя по множеству беспорядочно раскиданных вывесок на фасаде, в здании разместились редакции нескольких газет, а также представительства полутора десятков различных агентств и компаний.

Наверное, не стоило бы так сразу полагаться на многозначительную недоговоренность обещаний, рассыпанных в рекламке, но иного пути ему не оставалось. Постояв некоторое время перед фасадом, Максим пошарил в карманах в поисках сигарет. Но они кончились еще вчера. Тогда же его желудок, не привыкший к особенному кулинарному изобилию, в последний раз изведal теплоту пищи.

Проглотив слюну, он решительно толкнул стеклянную дверь. При виде него швейцар оторвался от газеты и вперился в посетителя своими большими выпученными глазами.

– Я по объявлению, – сказал Максим, – агенство “Катилина”.

– Направо, в самый конец коридора, – буркнул швейцар и с этого мгновения потерял к нему всякий интерес.

В конце коридора царило запустение. Лежали пустые ведра, стремянки, козлы и строительный мусор. В темноте под лестницей приютилась крохотная дверца с облупившейся табличкой: «Агенство “Катилина”. Услуги по найму».

Максим стукнул в дверь и пошел. За стеклянной перегородкой сидели несколько человек, согнувшись над бумагами. Перед перегородкой стучало на видавшем виды ноуте

эфемерное создание с волосами цвета спелой ржи. Создание недовольно вскинуло глаза на Максима и снова уткнулось в текст.

– Я по объявлению, – сказал он.

Создание вновь подняло на него скучающий взор и с видом мученицы нажало кнопку селектора.

– К вам посетитель.

– Он записан? – осведомился селектор.

– Нет. По объявлению.

– Просите его ко мне.

– Через зал, первая дверь, – сухо сказала секретарша.

Резкими твердыми шагами он пересек комнату, спиной ощущая колющие взгляды сотрудников, взялся за массивную бронзовую ручку двери и рывком потянул к себе.

– А вот и наш новый клиент, Валерий Аверьяныч, – сказал худощавый мужчина лет сорока с большими залысинами на костистом черепе. Маленькие острые зубки и прижатые уши придавали ему удивительное сходство с хорьком. Говорил он быстро, слегка присвистывая, отчего имя и отчество сидевшего напротив него человека в ушах Максима слились в одно.

“Валерьяныч” был похож на сытого, хорошо откормленного кабана, которого оторвали от случки. На Максима он поглядел тяжелым давящим взглядом.

– Хорош, – сказал он. – Видать малый дошел до ручки.

– Обратите внимание на его моложавое, не лишенное бла-

городства лицо, – ухмыльнулся директор агентства, откидываясь на стуле. – Глядя на него, я могу рассказать вам печальную историю обнищания древнего дворянского рода. Не исключено, что его гран-папа был незаконным сыном графа Трубецкого...

– Не перегибайте палку, Катилин, – перебил его Валерьяныч, – он уже готов вцепиться вам в глотку. Слушаю вас, юноша.

– Я по объявлению, – в который раз повторил Максим. – Мне нужна работа.

– Ага, «уступи нам свою смерть, и ты увидешь, как хороша жизнь», не так ли?

– Вот-вот. Это как раз мне подходит.

– А вы, Катилин, были против этой фразы. Смотрите, как на нее слетаются всякие... герои. Сколько вам лет, юноша?

– Тридцать восемь.

– Судя по выговору с Украины?

Максим не ответил.

– Чем занимались до того, как потеряли работу?

– У меня никогда не было работы. С восемнадцати лет в армии. Воевал...

– Потом?

– Потом?.. – он пожал плечами. – Снова воевал. Такая уж судьба. Африка. Легион. Родезия, Намибия. Южная Америка.

– Где служили в последний раз?

– У генерала Доу. «Легион смерти».

– Побывал в Большой Мясорубке?

– Да.

– Черномазые дали вам прикурить, а?

– Мы им тоже.

– А потом?

– Так, по мелочам – пожал плечами Максим. – Ничего примечательного. Перебивался с хлеба на соль, на бензоколлонке подрабатывал. Последний месяц я сидел без дела, ну и увидел ваше объявление...

– И решил взяться за старое?

– Да.

– Небось думаешь, что мы сунем тебе в зубы автомат и выбросим с самолета где-нибудь в джунглях?

Максим вновь пожал плечами.

– Мне все равно.

– Ну так вы ошиблись, – заявил Катилин. Он встал и вышел из-за стола. Он оказался сухоньким коротышкой с короткими ручонками. Однако по тому как он стоял, как откидывал назад со лба растрепанные волосы, чувствовалось его театральное прошлое. – Мое агентство никогда не занималось грязными делами. Мы слишком высоко ценим нашу репутацию. Мы представляем фирму «Рогов и Картофлин инк.». Атракционы и зрелищные предприятия. “ Но при чем здесь я? – удивитесь вы. Какое отношение я имею к искусству? И тут вы ошибетесь. Ибо то, что мы предлагаем,

имеет к вам, лично к вам самое непосредственное отношение.

Максим широко раскрыл глаза и с интересом поглядел на человечка. Чувствовалось, что он отрепетировал свою речь неоднократным повторением, и не остановится, пока не от-тарабанит ее до конца.

– Мы предлагаем всем нашим клиентам принять участие в аттракционе, который может вынести вас на гребень славы, окружить восторженными почитателями и подарить солидный счет в банке. Но может и... окончиться больничной койкой, предупреждаю заранее. Все будет зависеть только от вас, от вашей силы, хитрости и умения владеть оружием.

– Чем-чем, а оружием я владею.

– Оружие бывает разное. Вы занимались спортом?

– В молодости боксировал. И еще кое-чему нас обучали в лагерях.

– Это, скорее всего, не потребуется. Ну как? Согласны участвовать в нашем шоу?

– А что это еще за шоу? – подозрительно спросил Максим.

– Это вы узнаете, только подписав контракт. Согласитесь сами, сейчас век жестокой конкуренции и промышленного шпионажа. Мы не можем быть гарантированными от того, что вы не являетесь агентом одной из конкурирующих фирм или телекомпаний. Подготовка к аттракциону ведется в строгой тайне. Зато когда все будет готово, мы начнем такую рекламную шумиху, и так утрем всем им носы, что они

волосы на голове начнут рвать с досады. А, Валерьяныч?

Валерьяныч кивнул головой, не сводя внимательного взгляда с Максима.

– А какие условия контракта?

– Тридцать тысяч в год.

– ?

– Да-да, баксов. Но это лишь на период подготовки к аттракциону. Подготовка в течение трех месяцев. Во время аттракциона вы будете получать пять тысяч. В день. Если же вы достаточно хорошо овладеете мастерством и начнете выступать в группе А, то плата составит пятнадцать тысяч. Опять же-таки, в день. Деньги будут переводиться на ваш счет в любой указанный вами банк. В случае потери вами трудоспособности фирма берет на себя расходы на лечение. Контракт в этом случае останется в силе. В случае же... если с вами случится в самом деле что-то серьезное, я бы даже сказал, фатальное, деньги получают ваши родные и близкие в соответствии с завещанием. Питание и проживание, а так же прочие услуги безвозмездно за счет фирмы. В случае невыполнения контракта и одностороннего отказа от него, вы должны будете уплатить полную стоимость услуг плюс неустойку в размере ста миллионов.

– Довольно. Я согласен. – сказал Максим. Условия действительно были сказочными.

Катилин извлек из сейфа бланк и достал авторучку.

– Помните, аттракцион не всегда безопасен. Шансов в нем

– один из ста. Для среднего человека, разумеется. У подготовленного спортсмена эти шансы намного выше. Чем конкретно вы будете заниматься – узнаете после подписания контракта.

– Давайте ваши бумаги, – кивнул Максим.

Он решительно подписал три экземпляра контракта. Явившийся по звонку Катилина нотариус удостоверил подлинность его подписи и законность контракта. Один экземпляр Катилин спрятал в сейф, и немедленно запер его. Второй получил Валерьяныч, а третий Максим.

– Так в чем же будет заключаться моя работа? – с деланным безразличием осведомился Максим.

– Об этом вам расскажет представитель фирмы. Мои функции на этом окончены, – любезно произнес Катилин. – О делах моих клиентов я предпочитаю не знать.

– О'кей, старина, вы честно заработали свои комиссионные, – сказал Валерьяныч, вставая. – Мне кажется, из этого парня выйдет толк. Почаще поставляйте нам такой товар и вы не прогадаете.

– Я рад быть вам полезным, – покорно склонился Катилин. Почаще приезжайте к нам, у вас легкая рука.

– Пойдем малыш, – сказал Валерьяныч, и они покинули контору.

* * *

Машина остановилась у ворот высокого бетонного ограды, из-за которого виднелись верхушки голубых елей. Вале-

рьяныч нажал клаксон, ворота автоматически распахнулись.

У двери помпезного двухэтажного особняка явно сталинской постройки, их встретила худенькая девушка в длинном строгом платье и белом переднике, увидев Валерьяныча, она сделала книксен. Они обменялись несколькими фразами, затем на лифте поднялись на второй этаж. На встречу им из-за стола встал молодой человек лет двадцати пяти.

– Привет, малыш, – сказал Валерьяныч. – Что здесь требовалось этой старой обезьяне Торбину?

– Он хотел продать одну идею.

– Я уже по горло сыт его идеями. Больше не пускай его на порог, понял?

– Слушаюсь.

– Кстати, познакомься с Максом.

– К вашим услугам, – юноша поклонился.

– Очень приятно, – сказал Максим.

– Сообрази один горячий обед для Макса, бутылку бурбона и пару банок пива. И распорядись насчет одежды для нашего нового друга.

– Ну как тебе здесь? – спросил он, когда они вошли в его кабинет.

– Эрмитаж... – с одобрением сказал Максим.

– Некоторые из этих вещиц сделали бы честь любому частному и государственному собранию.

Комната и впрямь напоминала музей. На стенах были развешаны античные амфоры вперемежку с древним оружием и

доспехами. За стеклянными полками шкафов были аккуратно разложены камеи, монеты, наконечники стрел и копий.

– Древний Рим – слабость нашего хозяина, – сказал Валерьяныч, плюхнувшись в кресло. – Садись, садись, не стесняйся. Поистине поразительная эпоха, расцвет науки, культуры, искусства, театра и музыки, поэзии и прозы. Ты слышал чего-нибудь про древний Рим?

– Так... – Максим пожал плечами, попытавшись выудить из памяти остатки школьного курса.

– Да, жаль... А ведь достаточно было бы человечеству извлечь уроки истории и оно давно бы избавилось от многих катаклизмов. Хлеба и зрелищ требовала толпа, и императоры дарили ей то и другое с избытком. И как результат, Рим почти не знал социальных противоречий. Перевороты конечно случались, но чтобы кто-нибудь там вдруг потребовал низложить рабство и в срочном порядке ввести феодализм, или даже минуя его установить буржуазную демократию? Никогда! Бог мой, кому это, бишь, принадлежат слова о том, что единственный урок истории состоит в том, что из нее не извлекают никаких уроков? А ведь это и в самом деле так. Печальный урок расцвета и гибели великого Рима ничему нас не научил. И история жестоко отплатила нам за это. «Третий Рим» погиб, как и все предыдущие. Проанализировав древнейшую историю и сопоставив ее с новейшей, наши социологи пришли к малоутешительному выводу. Промышленный подъем конца XIX начала XX века, а также экономический

бум после второй мировой войны мы испытали, идя почти в точности по канонам древнеримской истории. Политика «разделяй и властвуй», «палка и морковка», создание буферных государств, установление в соседних странах удобных нам режимов – все это в точности повторяет политику Рима двухтысячелетней давности. Стоило же нам потерять истинно римский дух, пойти на поводу у демагогов, начать заигрывать с Европой и Америкой, как Рим с Аттилой, ослабить вожжи и наплодить безработных, допустить десяток региональных революций, как наш национальный престиж покатился к нулю и мы оказались у разбитого корыта, ну а теперь... теперь настала пора собирать разбросанные отцами камни. То, в чем мы предлагаем вам принять участие, другой – это не что иное, как смелый социальный эксперимент, попытка возродить в нашем народе истинный дух древних поколений. Вы были в Риме?

Максим отрицательно помотал головой.

– Но вы хоть знаете, что такое Колизей?

– Это такой... – Максим развел руками.

– Вот именно, такой большой стадион, где в древности происходили представления. Публики было там навалом. Представления пользовались огромной популярностью в народе и от того, на сколько пышными они были, зависело, насколько народ будет любить своего императора. Гвоздем программы были гладиаторские бои. Слышали о таких?

– Это когда люди друг с другом дрались?

– Не только друг с другом, но и со львами, тиграми, леопардами, крокодилами...

Максим медленно поднялся с кресла.

– Но-но, успокойтесь. Не делайте глупостей. Помните, вы подписали контракт. Сядьте! и без глупостей. А то я могу вызвать и полицию.

– Зачем? – настороженно спросил Максим.

– Значит вы опасаетесь и полиции тоже?

– С чего вы взяли?

– Или выложите мне полмиллиона неустойки?

Максим сел и тупо уставился в пол.

– Значит будем работать?

– Послушайте! – воскликнул Максим. – Когда я шел сюда, я был готов ко всему. Но то, что вы предлагаете мне – это самоубийство! На этот вид казни я согласия не даю!

– Значит вы выбираете долговую тюрьму? Тоже нет? Видимо потому, что в полиции попросят вас сыграть на клавишине и сличив ваши отпечатки пальцев, могут выйти на след давно разыскиваемого ими... ну? договаривайте!

– Не ваше дело, – буркнул Максим.

– Совершенно верно. Не мое. Меня и не интересует ваше прошлое. Мне нужно знать, будете ли вы участвовать в нашем деле.

– Этого не разрешат сделать ни в одной стране. Разве что тайком.

– А в этом вы, милый мой, жестоко ошибаетесь. Убийство

и самоубийство – грех, безусловно. Но мало ли вокруг нас встречается безумцев, готовых безо всякого веского повода рисковать жизнью? Тем более, когда дело касается профессионального спорта. Автогонщики рискуют жизнью в каждом заезде, как, впрочем, и горнолыжники и парашютисты. Поистине, даже в таком безобидном виде спорта, как лан-теннис, прошлогоднего чемпиона угораздило сломать лодыжку. Что же говорить о прогулках на мотоцикле через горящие автобусы? Это ли не чистое самоубийство? Кетч и профессиональный бокс так же зачастую кончаются увечиями. Наша же фирма разработала и внедряет сейчас новый вид спорта «фит-файтинг» – групповое и индивидуальное фехтование боевым оружием. С соблюдением, разумеется, спортивной этики и всех необходимых мер безопасности. Безусловно, определенный риск все же остается. Но немногим больший, чем в официально признанных видах спорта. Существует, естественно, и коммерческий риск, но вас это не должно волновать. Наши юристы уже раскопали несколько любопытных законов, которые делают наш аттракцион вполне почетным и уважаемым бизнесом. Публика будет в восторге от столь новой и неожиданной концепции публичной казни. Мы догола разденем телекомпанию. А к тому времени, когда «демократическая общественность» поднимет вой, а она поднимет, от этого никуда не деться, мы уже положим в карман кругленькую сумму. И вы тоже. Если, разумеется, выживете.

Уперев руки в колени, Максим сидел, тупо уставившись в пол. Потом он глухо проговорил:

– Итак – самоубийство...

– Нет, малыш, – негромко, но убедительно возразил ему Валерьяныч. – Не самоубийство, а казнь. Та самая «высшая мера пролетарской защиты», которой вы вполне заслуживаете, как и почти все прочие наши... гм... спортсмены. Наше гуманное государство позволило вам, подонкам, избрать себе вид казни. И отчего-то мало кто предпочитает пулю или наркоз. Остальные изощряются в попытках подороже продать свой труп. Так вот, наша фирма предлагает вам самую высокую цену, и самую достойную для мужчины смерть – в бою. Ну, думайте поживее, дорогой мой висельник, а то моя рука так и тянется к телефону... Вы согласны?

Максим прикоснулся рукой к груди. Медальон ответил теплым покалыванием. Что же, наверное, это его единственный выход – продолжать идти предначертанным судьбою путем. Он кивнул и сказал:

– У меня родственники в Калуге. Могу я послать им часть денег?

– Разумеется, – добродушно согласился Валерьяныч. – В конце месяца вы получите зарплату и можете распорядиться ею как вам вздумается.

– Хорошо.

– Тогда вы свободны. Горничная проводит вас в комнату. Там вас ожидает горячий обед и хорошее виски, для отдыха

– книги, телевизор и магнитофон. Может, немного травки?

– Не стоит. Я не так давно с трудом отделался от этой дряни.

– Это хорошо, что вы не наркоман. И еще ценнее то, что вы со мной откровенны. Я и сам не очень-то поощряю подобные увлечения, но по закону фирмы, сегодня я могу выполнить любое ваше пожелание, даже самое... изысканное.

– Благодарю, – буркнул он. – Обойдусь.

– Перед тем как уйти, сядьте и ответьте на вопросы вот этой анкеты, и постарайтесь по возможности подробнее. Это в ваших же интересах.

Анкета содержала свыше сотни самых разнообразных вопросов, от простецких, автобиографических до самых заумных, над которыми действительно стоило поломать голову. Однако Максиму было лень стараться, и он стал писать что Бог на душу положит.

* * *

Комната, в которую его поместили, вполне соответствовала мечтам небогатого коммивояжера, разъезжающего по мелким городкам с образчиками продукции и остановившегося в самом дешевом из более или менее приличных отелей.

Она была хорошо прибрана и невелика по размеру. Единственная кровать с хрустящими простынями, стол, стул, кресло, в углу стояла приставка далеко не последней модели, но снабженная эффектом стереофонии и стереоскопии. Две полки, одна с книгами, другая с кассетами.

Максим включил телевизор и принялся за обед, время от времени поглядывая на экран. Транслировали баскетбольный матч.

Обед был хорош. Однако он ел без аппетита.

Потом он придвинул кресло к телевизору, долго выбирал программу, но опять наткнулся то на детектив, то на резню, минуты две поглядел на шоу, послушал предвыборную речь кандидата от либералов, посмотрел новости и уже не обращая внимания на экранные страсти, сидел, уставившись в одну точку, время от времени прикладываясь к бокалу. Со стороны могло бы показаться, что он, размышляя, подводит итоги, но это впечатление было обманчивым. Он вообще ни о чем не думал. Им овладела какая-то странная томительная грусть, временами переходящая в пронзительную тоску. Его мучила неизвестность завтрашнего дня. Он понимал, что подслащенная пилюля, которую ему сегодня подсунули, явление преходящее, что возможно завтра она сменится страданиями и ужасом, и никак не мог освободиться от мысли о том, что этот вечер последний в его жизни.

Выступление депутата на экране сменилось изображением лощеного красавца в смокинге на фоне лазурных волн. Он затянулся длинной тонкой сигарой и выпустил дым, клубы которого образовали слово Л-О-Т-О-С.

– Сигары «Лотос»! – интимно прошептал бархатный голос. – Они украшают настоящих мужчин, делая их совершенно неотразимыми в глазах женщин. Изысканный аромат

и полное отсутствие никотина!

Камера въехала в густую толпу людей, собравшихся вокруг постамента, затянутого красной тканью, испещренную названиями фирм. На постаменте стояло странное неказистое сооружение из темного дерева.

Вам, дорогие телезрители, предстоит уникальная возможность присутствовать при явлении, как нельзя лучше характеризующем всю гибкость нашей социальной системы, все права и свободы, которые она предоставляет человеку. реально осуществляется суверенное право каждой личности не только жить, но и умереть так, как ей захочется. Смертная казнь, некогда осужденная клерикальной и мелкобуржуазной моралью, в наше время стала символом неотъемлемого права индивидуума на самовыражение. Нынче каждый осужденный к этой исключительной мере наказания имеет право избрать себе любой вид смерти, кроме, хе-хе, вполне естественной смерти от старости. Рафаэль Арбузов, сорока шести лет, бывший служащий Госстраха приговорен к смертной казни за зверское убийство жены и расчленение ее трупа. Что поделаешь, им обоим не повезло в жизненной лотерее. Как он сам признается в интервью, мысль о казни зрела у него уже давно, но окончательно сформировалась, когда он увидел по телевизору выбросившегося из самолета Амбарцума Гюльбекияна, до последней секунды своей жизни рекламировавшего запонки кооператива «Шик-Блеск».

Тогда же в нем созрело решение предложить свои услуги

фирме «Лотос». Каково ваше последнее желание, Рафаэль?

Пожилой лысоватый мужчина растерянно посмотрел в объектив, потом его кто-то толкнул под руку, и он, заученно улыбаясь, сказал:

– Мое последнее желание в этой жизни – выкурить сигару фирмы «Лотос».

Си-га-ры-ло-о-ото-о-ос! – запел мелодичный девичий хор. – Прекрасен вкус и аромат, их курят, курят все-е-е-подряд! Лотос!

Фирма исполнит ваше последнее желание. Больше того, фирма берет на себя все расходы по обучению вашей старейшей дочери в институте, а младшей – в частном пансионате. Позже она получит место горничной в мотеле, принадлежащем фирме. Не забудьте, 32-й километр, мотель «Лотос»!

Самоубийцу подвели к помосту. Священник в черном одеянии дал ему последнее напутствие. Только сейчас Максим понял, что представляло собой деревянное сооружение.

– Без сомнения, Рафаэль избрал самый оригинальный способ самоказни. По заказу фирмы «Денди табл», славящейся своей добротной и модной мебелью, была изготовлена эта гильотина, точная копия тех, которые хорошо поработали во времена великой французской революции. Рафаэль Арбузов решил разделить участь Робеспьера, Дантона и Людовика XVI. Что же, это не самая плохая компания.

Когда убийце сжали руки и шею в колодках, Максим услышал за спиной звяканье посуды. Давешняя горничная нето-

ропливо убирала со стола.

С экрана донесся сдавленный крик и тупой удар. И снова запел хорал.

Девушка мельком взглянула на экран.

– Хочешь выпить? – спросил Максим.

Ничего не ответив, она покатила столик к двери.

Он негромко свистнул.

– Что вам угодно?

– Мне угодно, чтобы ты выпила со мной.

– К этому вы не можете меня принудить, – с неожиданной твердостью произнесла она.

– Прости... – он пожал плечами и жалко улыбнулся, – мне просто показалось...

– ... что в этой конторе все должны продаваться? – с горечью завершила она. – И ты не ошибся. Но есть ведь в мире вещи, которые не так-то легко купить, верно? Так вот, мое человеческое достоинство – одна из таких вещей.

– Извини... – Максим растерялся, – я не хотел ничего дурного. Мне вдруг стало так тошно и страшно жить здесь... сейчас... Скажи мне, куда, зачем, к какому страшному концу катится этот мир?

– Его кончину мы уже пережили, – с грустью произнесла девушка. – Гибель угрожала миру, когда две супердержавы и их сателлиты стали друг напротив друга, сжимая самое страшное оружие. Теперь противостояние кончилось. Мир миновал нужную фазу, и теперь стремительно катится к ре-

грессу. Мы возносились к Богу 2000 лет. Теперь столько же будем катиться к дьяволу.

Она снова взялась за поднос.

– Побудь со мною, – взмолился он. – Хоть недолго.

– Но ведь не сейчас же... Мне необходимо убрать, и потом...

– Да, да потом, – с жаром согласился он, – все это будет потом... А сейчас – дай мне немного тепла, поделись со мной своей душевной чистотой, добротой, нежностью... мне всю жизнь так этого не хватало...

Он обнял ее и почувствовал, как напряглось ее тело и вновь расслабилось, ощутив его поцелуи. Он ощутил, как участилось ее дыхание, как заколыхалась упругая грудь, как пальцы ее с крохотными острыми ноготочками быстро и деловито расстегнули его рубашку и брюки.

* * *

Это было дьявольски забавно и даже слегка противно – заниматься любовью с профессионалкой, которая поначалу строила из себя скромницу и пуританку. Вдруг она начала плакать и уверять, что у нее есть любимый муж, который ей этого не простит. Затем уверяла, что он ее второй мужчина и после этого ей будет стыдно смотреть в глаза ребенку. И даже ощутив в своем заботливо подбритом лоне (не иначе, она предпочитает круто вырезанные спереди купальники, подумал Максим) трепещущую и напряженную мужскую плоть, она не переставала обливаться слезами и молить, чтобы он

был с нею поделикатнее. И лишь когда он прижал ее колени к груди и подверг изоощреннейшей сладостной пытке, которую подсмотрел у папуасов, то расширяя ее плоть, то зашипывая пальцами, то подчеркнуто щедро лаская ее, то покрывая нагое тело укусами и щипками, она наконец впала в неистовство и они сплелись в клубок, как два дерущихся леопарда и с победными или отчаянными криками подбадривали и возбуждали друг друга, как будто знаменуя этим победу над давним, коварным и опытным врагом.

Позже, когда он в довольном изнеможении отвалился на перевернутую постель, она выбралась из скрученных в узел одеял и простынь и, с другом добравшись до столика, отпила «бурбон» прямо из горлышка.

– Сколько сейчас времени? – глухо спросила она.

– Полпятого утра, – безмятежно ответил он.

– Бог ты мой... и все это время мы... – она пошатнулась и с суеверным ужасом поглядела на него. – Послушай, милый, я вот что тебе скажу: такие парни, как ты, не доживают до седых волос. Тебя обязательно убьют, и наверняка какая-нибудь взбалмошная баба... Эх, и до чего бы я хотела быть на ее месте! – мечтательно вздохнула она, закуривая.

Он усмехнулся. Не стоило сейчас ей объяснять, да она бы и не поняла и сотой доли того, что хотелось ему сейчас сказать. А ему хотелось, кто бы знал, как хотелось ему выговориться за долгие два с лишним десятилетия молчания. Он рассказал бы этой маленькой женщине с детски чистым и на-

ивным взглядом о том, что давно уже не властен над собой; что «Щит Пророка» тащит его из боя в бой, из одной войны в другую как кутенка на поводке; что всеми своими победами над женщинами да и не только он обязан этому крохотному диску или тому невероятному нечто, что порою виделось ему в чистом небе, когда он порой поднимал глаза. Что это было такое – он не представлял. Он рассказал бы ей, что сжился, сроднился с этой полированной монеткой, и ненавидит теперь «Щит» смертельной ненавистью, хотя и прекрасно сознавал, что именно ему обязан тем, что все же выжил, в каких бы переделках, опасных, а порою просто безнадежных, не доводилось ему побывать за свою бурную жизнь.

Глава вторая

Утро, в самолете Валерьяныч встретил его легким ворчанием.

– Однако, милостивый государь, вы и спите, чистый барин, – сказал он с добродушной укоризной.

– Простите, – сказал Максим смущенно. – Я, наверное, перебрал вашего виски, и...

– Пустое! – рассмеялся Валерьяныч. – Виски кажется было недурное?

– Первокласное.

– А девочка? – игриво спросил Валерьяныч.

– Не понимаю, о чем вы?

– Ты хочешь сказать, что провел ночь в гордом одиночестве?

– Простите, но я не привык обсуждать подобные темы, – жестко сказал Максим.

– Ах, какие мы гордые! – изумился Валерьяныч. – Я вытаскиваю его из дерьма, даю высокооплачиваемую работу, корплю и пою его, подсовываю ему самую лучшую из наших девочек, которую мы держим только для самых дорогих гостей, ибо она умеет представить все дело так, что ее приходится добиваться, и он же еще кусает руку, кормящую его! Вот она, людская благодарность.

– Простите... – сказал Максим и поскольку Валерьяныч выжидающе смотрел на него, добавил, – шеф...

– Так-то, – удовлетворенно сказал Валерьяныч. – И не строй из себя персону. Если вчера я носился с тобой как курочка с золотым яичком, то это только потому, что у нашей кампании такой стиль работы. Если мы выкачиваем из человека деньги, то он должен за это получить хотя бы определенное моральное удовлетворение.

– Последняя ночь преступника перед казнью? – спросил Максим.

Валерьяныч поморщился.

– Оставим античную философию и прочие высокие материи. Мы сейчас покидаем прекрасный мир. Мир выпивки, вкусной еды, женщин и всего, что только могут дать деньги. Нам хочется, чтобы ты хорошо запомнил этот мир и старался бы вернуться в него. Если ты будешь мечтать о возвращении, ты будешь хорошо заниматься, а значит научишься хорошо драться, и не дашь убить себя в первом же бою, а значит кампания выкачает из тебя больше денег. Так что благотворительность тут вовсе ни при чем. Ты понимаешь меня?

– Да, шеф.

– Поэтому занимайся. Хорошенько занимайся. Не печалься, когда тебя будут наказывать, самым худшим наказанием будет, если тебя отстранят от занятий, Понял?

– Да.

– Молодец. Мы, кажется, уже прилетели.

К самолету подъехал неказистый джип. Валерьяныч уселся на переднее сиденье и кивком указал на заднее.

Машина долго петляла по горным дорогам, пока не уткнулась в ворота в длинной бетонной стене, на которой старинной вязью было выведено «Спортивная база цирковых аттракционов». И немного ниже «Частное владение. Вход воспрещен».

К машине подошли двое парней с дубинками. Увидев Валерьяныч, они посторонились. Ворота сдвинулись, и машина въехала во двор.

Лагерь расположился на сухом выжженном солнцем каменистом плато. Оно представляло собой почти правильный круг, диаметром около двух километров. Внутри были разбросаны одноэтажные строения с зеркальными крышами для сбора солнечной энергии, и кругом ни деревца, ни кустика. Мимо них пробежала группа молодых людей. Двигались они в полном изнеможении. На лицах их лежала плотная маска пыли, изредка пробиваемая дорожками пота.

Максим и Валерьяныч прошли в небольшой двухэтажный особнячок у ворот, поднялись на второй этаж и вошли в комнату, наполненную благодатной кондиционированной атмосферой. Там в кресле, задрав ноги на стол, сидел человек и читал журнал. Увидев их, он отложил журнал в сторону и оказался мужчиной лет сорока с небольшим, с подтянутой спортивной, но слегка уже начавшей полнеть фигурой.

– Привет, – сказал он и кивнул на кресла.

Они сели.

– Этот парень, – сказал Валерьяныч, – будет заниматься у тебя, Боб.

Тот скривился.

– На каких помойках ты ухитряешься откапывать подобных типов?

– Боб, этот парень, что надо.

– У этого парня на лбу написано, что последние пять лет он питался отбросами.

– Это не важно.

– Грешно опустошать дома престарелых. Я уверен, что этот парень видел Ленина.

– Ему еще нет тридцати восьми.

– Силы небесные! – возмутился Боб. – То ты мне подсовываешь сосунков, то дряхлую сорокалетнюю развалину!

– Я никогда не поставлял тебе плохой товар, – с достоинством сказал Валерьяныч. – Если этот рейнджер тебе не нравится, Борис Палыч, я могу отдать его Алексу. Он мне только спасибо скажет. Пошли, Максим.

Они поднялись.

– Эй, подождите! – крикнул им вдогонку Боб.

Они остановились у двери.

Боб с трудом поднялся с кресла и подошел к ним. Его чудовищно гипертрофированный живот колыхался при каждом шаге.

– Разденься, – сказал он Максиму.

Тот снял сорочку.

– Раздевайся догола.

Боб долго рассматривал его икры и бедра, щупал мышцы живота, помял бицепсы, предложил сесть и постучал молотком по коленной чашечке.

– Говоришь, этот парень из рейнджеров? – переспросил он с сомнением.

Это рейнджер с двадцатилетним стажем, – заверил его Валерьяныч. – Сегодня мне представили его послужной список, – он протянул папку, – этот парень прошел огни и воды и ухитрился остаться живым.

Боб бегло просмотрел папку.

– Можешь одеться, – сказал он и, переведя взгляд на Валерьяныч, показал раскрытую пятерню.

Валерьяныч в ответ показал два пальца.

– Что?! – возмутился Боб. – За эту рухлядь?

– Он стоит гораздо больше.

– Он вообще ни черта не стоит, но из уважения к тебе я даю три.

– Из уважения ко мне ты не дашь и растертой сопли. Он стоит семь, но назови я эту цифру, тебя бы вовсе хватила кондрашка.

– Три с половиной.

– Уж лучше мы попытаем счастья у Алекса.

– Это будет предательство, Валерьяныч, – укоризненно сказал Боб.

– Это не будет предательством, – с достоинством сказал Валерьяныч. – Мы все: и ты, и я, и Алекс, работаем на фирму. И, если фирма обнаружит, у него ребята подготовлены лучше, чем у тебя, а это выяснится в первом же бою, она просто-напросто откажется от твоих услуг и это будет справедливо, ибо ты не умеешь подбирать кадры.

– Нашел же ты, чем удивлять людей, – бросил Боб. – Обычный наемник. Ну и что? Мало ли наших ребят, не умеющих ничего, кроме стрельбы из автомата, бросились на Запад, когда открыли все границы? И кому они были там нужны? Не умея ни работать, ни говорить, ни просто жить в обычном цивилизованном мире... Их стали использовать как пушечное мясо, и тогда весь мир сумел оценить хваленые бойцовские качества нашего простого честного солдата. У меня пол-лагеря таких вот героев.

Помедлив, Валерьяныч сказал:

– Знаешь, чем этот парень отличается от других героев? Тем, что он не герой. Он совершенно не герой. Он не браваый вояка и не спесивый солдафон. Он солдат. Рядовой солдат. Он был, есть и будет солдатом. Знаешь, что меня поразило при первой встрече с ним? Его спокойствие. Он терпелив, упорен и настойчив. Он умудрился двадцать лет пробыть рейнджером во всевозможных «Легионах смерти», у генерала Кондора и полковника Доу, и не получить ни царапины. Ты был когда-нибудь ранен?

– В Бразилии, – ответил Максим. – Отравленной стрелой

из сумпитана.

– Ну и как?

– Болел с неделю.

– Вы слышите, Борис Палыч? Неделю, когда одна стрелка размером с мизинец может уложить слона. Нет, меньше чем за семь тысяч я тебе его не отдам.

– Но ты же сказал пять! – возмутился Боб.

– Мне слишком долго пришлось тебя уговаривать. А мое время дорого. Ну как?

– Хорошо, – хмуро согласился Боб и выписал чек. – Посмотрим, много ли стоит твой... как ты его назвал?

– Флавий. По имени древнего и знатного рода Флавиев.

– Ну это еще куда ни шло. А то язык можно сломать со всеми твоими Веспасианами и Доминицианцами.

– Всего хорошего! – сказал Валерьяныч, довольно пряча чек в бумажник.

– Пока.

Когда Валерьяныч вышел, Боб нажал кнопку селектора.

– Бомбу ко мне.

Через некоторое время в комнату вошел низенький крепыш с багровым лицом.

– Этого парня зовут Флавий. Будет заниматься у тебя. Проверь, на что он способен, через неделю доложишь.

– Слушаюсь, шеф.

Выйдя из дома, они пересекли двор. Человек, которого звали Бомбой, привел его в одно из строений, стоявших на

отшибе. Внутри находились двадцать пять аккуратно застеленных кроватей.

Из шкафа Бомба достал какую-то хламиду из грубого полотна.

– Оденешь тунику. Свою одежду положишь в этот ящик. Подметешь казарму, вымоешь полы, вот этим, – он достал из кармана пакетик с лезвием от безопасной бритвы. – Почистишь писсуары и унитазы. Вопросы есть?

– Никак нет.

– Ну-ну, – толстяк вышел.

Переодевшись, Флавий (он принял это имя так же просто, как и вообще все подставные имена, под которыми привык служить) принялся за дело. Он давно уже нигде не работал, и этот труд доставил ему радость. Тем же самым он занимался во всех казармах, где служил и не брезговал этой работой, как, впрочем, и любой другой.

Когда он закончил, в прихожей послышались голоса и шум. Зашумела вода в умывальнике. Казарму наполнил гвалд.

Несколько парней в таких же туниках, как и у него ввалились в казарму и остановились на пороге, разглядывая новичка.

– Господи! – воскликнул наконец парень лет двадцати трех с нечесанной шевелюрой и щетиной недельной давности. – А я-то гляжу, в нашем верзальнике чистота, как в храме божием. К чему бы это, думаю? Не иначе как конец света

настал! А это оказывается новенький все так хорошо выли- зал. Ты, наверное, всю жизнь провел в туалете, папаша?

– Да нет, только половину, – ответил Флавий. Теперь ему, как и во всех местах, где он служил, предстояла утомитель- ная процедура «прописки».

– А где же ты провел вторую половину? – продолжал до- пытываться парень. Он сразу не понравился Флавию.

Казарму заполнили молодые мужчины в туниках и, оста- новившись в дверях, прислушивались к тому, как измыва- ются над новеньким, который был лет на пятнадцать старше самого взрослого из них.

– Так, где же ты провел вторую половину жизни?

– В цирке братьев Рогови, – ответил Флавий. – Убирал за обезьянами. Ты должен знать это место. Там во второй клетке справа, от двери сидел твой папа.

По казарме пронесся громоподобный хохот. Парень взбе- ленился. Глаза его налились кровью, руки сжались в кулаки.

Послышались возгласы:

– Вмажь ему, Цицерон!

– Выдерни из него кишки, Цицерон!

– Что ты сказал! – прошипел Цицерон. – Повтори, подо- нок!..

– Я только сказал, что ты сынок, достойный своего отца... Флавий нырнул под удар и провел правый прямой снизу. Ци- церон рухнул, как подкошенный. К нему подбежали двое и принялись приводить его в чувство.

К Флавию подошел белокурый молодой человек с красивым, но порочным лицом.

– Ты неправильно сделал, что ударил его. Ты должен попросить прощения. Цицерон здесь больше всех. А ты еще новичок.

– Я был новичком, когда ты еще ползал под столом и делал в штаны, – ответил Флавий.

– Не имеет значения. Это было там. Здесь ты новичок и должен выполнять наши законы. Я прав? – обратился он к друзьям. Те одобрительно зашумели.

– Хорошо. Я извинюсь перед ним, – сказал Флавий.

– Да. Ты извинишься перед ним. По нашим законам новичок, который обидел старика, должен встать перед ним на колени, попросить прощения и лизать ему пятки. Пока они не станут чистыми. Ты сделаешь это.

– Только сначала он должен полизать мне зад, – сказал Максим. – Пока он не станет чистым.

– Ты упорствуешь, – с удовольствием заметил парень. – Хорошо. Сейчас ты перестанешь упорствовать, Клавдий!

Из толпы выдвинулся высокий худой японец.

– Сделай так, чтобы он стал спокойным.

Японец медлил.

– Клавдий, он ударил Цицерона.

– Хоросо дерай, – сказал японец. – Цицерона большая дурак.

– Мы знаем, что вы не ладите. Но ведь Цицерон пришел

почти одновременно с тобой. И мы вас обоих уважаем. Если сегодня его не проучить, завтра он поднимет руку на тебя. Старших надо уважать.

Немного подумав, Клавдий сказал:

– Моя дерай покойна.

Парень отошел, дав японцу место для боя. Приняв стойку, тот с шумом потянул воздух и вдруг с диким воплем с места прыгнул вверх, выбросив вперед правую ногу. Флавий уже был готов к этому, принял удар на блок и, когда японец пролетел мимо, с силой ударил костяшками пальцев по центральному нервному узлу.

Тогда на него набросились все остальные. Спустя мгновение на том месте, где он только что стоял, копошилась груда человеческих тел. Так продолжалось около минуты, потом из кучи разнеслись пронзительные крики, и то один, то другой стали вылетать из общей свалки и падать на дощатый пол.

Спустя еще несколько секунд Флавий встал и, тяжело дыша, оглядел поле битвы. Оно осталось за ним. Годы службы в диверсионном батальоне «Летучая смерть» не прошли даром.

В казарму, запыхавшись, вбежали Бомба и гигант с угольно-черной бородой.

У двери гигант споткнулся о распростертое тело японца.

– Эй, Клавдий! Что с тобой? Что случилось?!

– Этот новый... – с трудом ответил японец. – Он маро-ма-

ро знай дзю-дзюцу.

Гигант в упор посмотрел на Максима.

– Зачем ты с ними дрался?

– Наверное у вас такой способ знакомства, – пожав плечами, ответил Флавий.

– Кто первый тебя ударил? – спросил Бомба.

– Не знаю.

– Я накажу зачинщиков, – пообещал он.

– Но я и в самом деле не знаю.

– Может ты хочешь пожаловаться ланисте Бобу? – подозрительно спросил Бомба.

– Нет.

– Так кто же затеял драку?

– Я.

– Ты?

– Да, я.

– Тогда ты должен быть наказан.

– Дело ваше.

– Хорошо, – с видимым удовлетворением сказал Бомба. –

Нерон! – к нему подошел давешний красавчик. – Возьми Публия и Архимеда и всыпьте ему пять... нет, десять горячих!

– Пошли, – сказал Нерон.

Они вышли во двор.

– Ложись! – Нерон указал на длинную деревянную скамью перед казармой. Флавий лег. Двое ребят крепко привязали

его к скамье кожаными ремешками. На нем задрали тунику.

Нерон взял в руки бич и стегнул его по спине. Удар был несильный, но громкий.

– Гладить его будешь ночью! – рявкнул Бомба. – Дай сюда бич.

Он отвесил новичку десять полновесных ударов.

– И не пикнет даже... – сказал он с сомнением. – Дубленая что ли у него кожа? Может еще пяток добавить?

– Не стоит, шеф, – осторожно сказал гигант, которого звали Цезарем. – Он не сможет работать.

– Ты думаешь? Ну ладно, унесите его.

Флавия развязали и взяли под руки, но он вырвался и, шатаясь, с трудом добрал до казармы и упал в изнеможении на кровать. Спустя некоторое время возле него присел Цезарь.

– Тебе было очень больно? – спросил он осторожно.

– Пустяки, – ответил Флавий, с трудом выдавив улыбку.

– Не обижайся на них. Эти дураки сами себе установили такие дурацкие законы. Цицерона мы проучим, слишком уж много он стал себе позволять.

– Он от этого умнее не станет.

– Это уж точно, – усмехнулся Цезарь. – А ты молодчина. Из наших никто еще не мог выдержать десяти ударов и потом пойти как ни в чем не бывало. Ребята тебя очень уважали за то, что ты никого не выдал. Ты был рейнджером?

– Да.

– Здорово ты их отделал. Ну, давай отдыхай. Сейчас тебе

принесут ужин. Тебя как прозвали?

– Фла... Флавий, кажется...

– А я Цезарь.

Потом Нерон и бледный сухощавый паренек, которого звали Марциалом, накормили его, смазали спину какой-то вонючей мазью и перебинтовали.

Он забылся в недолгом беспокойном сне. Проснулся он, когда все уже спали. Вокруг царила крошечная тьма. И только в окне, забранном решеткой, выделялся клочок бархатно-синего неба и тускло подмигивала порой, скрываясь в косматых тучах, какая-то одинокая тусклая звездочка.

– Эй, синьор Флавий! – услышал он шепот с соседней кровати. – Синьор Флавий, вы не спите?

– Сплю, – ответил он.

– Тогда извините.

– А что ты хотел?

– Я хотел сказать, чтобы вы были осторожнее с Цицероном. Он грозился вас зарезать.

– Хорошо.

– Вы не думайте, он и в самом деле убийца! Он рассказывал, что зарезал пять человек в Чикаго и поэтому завербовался сюда.

– Твой Цицерон болтун и трус. Спи, парень. Как, кстати, тебя зовут?

– Публий.

– Спи, Публий.

– Спокойной ночи, синьор Флавий!..

И в казарме вновь воцарилась тишина.

* * *

Рано утром его растолкал Публий. Он оказался тощеньким парнишкой лет восемнадцати, по виду явно итальянского происхождения.

– Вставай живее! – сказал он. – Если Бомба увидит, что ты еще лежишь, совсем озверееет.

Флавий с трудом поднялся. Все тело его болело. Спина уже не горела огнем как вечером, а болезненно ныла.

Он по-армейски быстро и четко без единой складочки убрал постель и побежал умываться. Ребята в умывальнике встретили его так, будто начисто забыли о вчерашнем эпизоде и знакомы с ним сто лет.

Клавдий пропустил его к крану и спросил:

– Моя маска хорошая?

– Что? – не понял Флавий. – Ах, мазь, да, шикарная мазь!

Спасибо!

– Сегодня мазаем, завтра мазаем и совсем уйдет, – улыбнулся японец.

На дверях зазвенел звонок. Все побежали на плац.

Там уже расхаживал Бомба.

– Живее! Живее! Сто чертей вам в бок! Все собрались?

Двадцать кругов на время, последний остается без завтрака!

Пошел!

Цезарь побежал первым.

Флавий пристроился четвертым или пятым и несколько кругов вокруг ограды держался в общем строю, но потом стал отставать. Несмотря на раннее утро, солнце припекало нещадно. Пот градом катил с него, вызывая мучительную боль в исполосованной спине. Он начал быстро уставать и на шестнадцатом круге уже плелся позади всех. Сказывался возраст и отсутствие тренировок. Да он никогда и не бегал особенно быстро. Зато в беге на дальность он был неутомим и на марш-бросках никогда не скисал.

Когда Бомба, стоя на финише, показал табличку с номером 19, Флавий понял, что ему улыбается малоприятная перспектива остаться без завтрака, но не смог бы прибавить и шагу, даже если бы от этого зависело спасение его души. Оставалась единственная надежда, что кто-нибудь выдохнется раньше него.

Впереди него с трудом бежал Публий. Обернувшись, он крикнул:

– Синьор Флавий! Бегите вперед! Я приду последним!

– Не надо жертв, юноша! – сердито сказал Флавий. – Бегите живее и не оглядывайтесь!

Молодой человек прибавил ходу. Флавий старался держаться за его спиной и вдруг увидел, как из группы бежавших отделился один человек и упал на обочину, держась за живот. Каждый из пробежавших награждал его пинком. Пробегая мимо, он узнал Цицерона.

– Это все из-за тебя... гад... – прошептал тот.

– Слушай, друг, – сказал ему Флавий. – Я обломал рога многим похожим на тебя. Не старайся пополнить мою лекцию. Если я узнаю, что ты плохо говорил обо мне или грозился, видит Бог, что «Кресты» покажутся тебе раем, по сравнению с той жизнью, которую я тебе устрою здесь, и, пнув его ногой, он побежал дальше.

Увидев, как он выбежал из-за угла барака, Бомба разразился руганью и стал уверять всех, что на большее, чем мытье туалетов и драки он не способен. Когда же приплелся жалкий и избитый Цицерон, он еще больше разозлился и даже съездил ему кулаком по физиономии.

На завтрак выдали по миске овсянки с каким-то прогорклым маслом. Ложки в этом заведении, вероятно, считались непозволительной роскошью. Флавий с грустью вспомнил шикарный ужин, который ему закатил Валерьяныч и подумал, что этот подлец, наверное, неплохо знает людскую психологию. Он бросил взгляд на товарищей. Все, зажав миски между коленями, усердно зачерпывали полные пригоршни. Цицерон, съежившись сидел в углу. Он был похож на побитого пса. Флавий свистнул, Цицерон живо поднял голову.

– Иди ешь, – сказал Флавий.

Цицерон подбежал, схватил протянутую миску и с жадностью принялся набивать себе рот, время от времени бросая заискивающий взгляд на Флавия, взгляд, в котором светилась рабская покорность и немое обожание.

После завтрака им раздали мечи, изготовленные из рези-

ны, в которую был утоплен металлический стержень и щиты из плотного полистирола. Подошел учитель фехтования, которого Бомба называл герром Шнутке, а гладиаторы прозвали Цаплей. Это был напوماженный длинноногий субъект с кривым носом и манерами пэра Англии. Ходил он, прихрамывая, и имел привычку, останавливаясь, поджимать правую ногу, так что вполне заслужил свое прозвище. Провинившихся он наказывал собственноручно изящной бамбуковой тросточкой, с которой никогда не расставался. Бил он ею обычно по пяткам, и наказанный порою долгое время не мог ни стоять, ни ходить.

Урок был очень похож на уроки фехтования, которые даются во всех спортивных школах. Все выстраивались в линию, Цапля вызывал вперед Нерона, который показывал все позиции, которые тот называл по-французски, а остальные повторял за ним. Спустя час непрерывных упражнений следовал десятиминутный перерыв, после которого начиналась отработка ударов на чучелах. После следующего перерыва бойцов разбивали на пары и вновь начиналась изнурительная обработка выпадов и защит.

– Ви не устафайт? – осведомлялся порой Цапля.

– Нет, мастер, – отвечали гладиаторы, зная, что сознавшийся в слабости, жестоко поплатится за это.

– Это карашо, – удовлетворенно кивал Цапля. – Когда вы устафайт без панзер, ви совсем сильно устафайт в панзер.

Обратив внимание на Флавия во время первых упражне-

ний, он вывел его из строя и спросил:

– Ви новый человек?

– Да, мастер.

– Ви никогда не учился фехтовать?

– Нет, мастер.

– Пошему ви стал строй? Ви толшен бил скажайт, что ви не умеет фехтовать.

– Простите, мастер, – покорно потупился Флавий.

Гораций, будешь показифайт ему как фехтовать.

Гораций вышел из строя и отведя Флавия в сторону, стал показывать основные фехтовальные приемы.

После третьего большого перерыва начались учебные бои. Цапля одну за другой вызывал пары, и борцы выходили друг против друга и по сигналу начинали бой.

Флавия вызвали драться против Архимода, здорового рослого негра с бычьей шеей и туповатым взглядом исподлобья.

– Ангард прэ! – скомандовал Цапля. – Этвупрэ! Алле!

Архимед медленно двинулся в атаку и принялся размахивать мечом, со свистом разрубая воздух. Три или четыре раза он попал по щиту, и у Флавия онемела левая рука. Он решил плюнуть на правила и позиции и парировав шитом удар по голове, пригнулся, проскользнул под щитом противника и ткнул его мечом в солнечное сплетение. Архимед зашатался, судорожно глотнул воздух и упал в пыль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.